А. С. ЛАВРОВ

Юродство и «регулярное государство»

(конец XVII—первая половина XVIII в.)

14 мая 1667 г. соборная церковь города Галича стала местом отпевания, собравшего множество людей. В соборную церковь съехались тогдашний воевода А. А. Мусин-Пушкин и его предшественник К. А. Загряжский, протопоп соборной церкви Феофилакт, архимандриты местных монастырей, дворяне, дети боярские и посадские люди. При большом стечении народа отпевали юродивого Стефана Трофимовича Нечаева.¹

Эту сцену можно было бы назвать похоронами древнерусского юродства, а вернее — проводами прежнего отношения к нему со стороны светских и церковных властей. В том же 1667 г. в Москве завершил работу церковный собор, на котором вселенские патриархи осудили многие издержки, связанные с почитанием юродивых.

«Суть некотории лицемернии и прелестники, иже живут посреди градов и сел, во образ отшелника и затворника волосати, и в монашеской скитце. Инии же и в железах сковани. Такожде и наги и боси ходят по градом и селом в мире, тщеславия ради, да восприимут славу от народа, да и почитают их во святых, ко прелести простым и невеждам». Вселенские патриархи призывали не верить им, отводя ссылки на св. Симеона и Андрея Юродивого. В отличие от последних, нынешние юродивые стремятся не «поругаться мирови», но ищут «славы от мира», для чего и ходят «по дворам и полатам вельможных и знакомых». Более того, вселенские патриархи указали на то, что среди юродивых есть и «юроды от рождения», т. е. душевнобольные. Последних «ниже хвалити, ниже хулити достоинт».²

Странно, но это постановление, принадлежащее патриархам Макарию Антиохийскому и Паисию Александрийскому, ни разу не сопоставлялось со следующим отрывком из записок диакона Павла Алеппского, сына и спутника Макария. За несколько лет до соборного решения Макарий и его спутники удивлены были тем, какой почет был оказан юродивому

¹ См.: Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 212.

² Деяния церковных соборов 1666 и 1667 годов. М., 1893. Л. 27 об.—28 об. Представляется, что не следует сводить это постановление, как это делают многие исследователи, к простому повторению канона Трулльского собора о лжеюродивых (Ковалевский Иоанн, священник. Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви: Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия. М., 1902. С. 150; Petrovich M. The Social and Political Role of the Muscovite Fools-in-Christ: Reality and Image // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1978. Bd 25. S. 294—295; Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994. С. 151).

патриархом Никоном. «В этот день патриарх посадил подле себя за стол нового Салоса, который постоянно ходит голый по улицам. К нему питают великую веру и почитают его свыше всякой меры, как святого и добродетельного человека, имя его Киприан; его называют человек Божий. Патриарх непрестанно подавал ему пищу собственными руками и поил из серебряных кубков, из которых он сам пил, при чем получал последние капли в свой рот, ради освящения, и так до конца трапезы Мы были удивлены»³

Конечно, представители греческого духовенства, приезжавшие на Русь, были прекрасно знакомы с византийскими житиями Христа ради юродивых, прославленных церковью. Однако как реальное явление юродство умерло на православном Востоке за века до описываемых событий. Речь шла о том, как с позиций одной религиозности — в данном случае религиозности духовенства — судили другую религиозность — притом народную, поскольку юродство, как мы покажем далее, имело широкую опору в народном благочестии. Здесь хочется употребить точный термин Макса Вебера — «виртуозная религиозность», которую он противопоставлял массовой. Впоследствии эта ситуация возобновится на новом уровне: ученое украинское духовенство, не привыкшее к юродивым, также выступит против их почитания.

Исследовавший историю юродства А. М. Панченко заметил, что если «в XVII веке юродивых губили за дерзкие речи, то в XVIII веке хватали уже за колтуны и наготу, то есть за самый юродский облик».⁴ Принимая в целом этот взгляд, необходимо сделать к нему одно терминологическое уточнение, без которого источники, представляется, просто нельзя корректно прочитать. Дело в том, что, объявив войну юродству как явлению, государство предпочитало не называть его собственным именем, поскольку для православного народа «юродивый» и «святой» по-прежнему были синонимами. Поэтому, для того чтобы бороться с юродством, нужно было его переименовать.⁵

Это сказалось уже в не дошедшем до нас указе о сыске юродивых, который был издан еще при патриархе Адриане. Согласно дошедшим упоминаниям, ясно, что «по указу святейшаго патриарха велено [было] волосеничников, и нагих, и вережников ловить».⁶ Примечательна сама формулировка указа, в котором не говорится прямо о сыске «юродивых», но юродство описывается его внешними признаками — ношением власяниц и вериг, наготой⁷

Таким образом, преследование юродства начато было не «регулярным государством», а церковными иерархами, причем в то время, когда сам Петр еще мало интересовался церковными делами. Очевидно, что соответствующий указ касался только Москвы и, возможно, патриаршей области. В епархиях он был неизвестен. Стоит добавить, что и светская

³ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер с арабского Г. Муркоса М., 1898. Вып. 3. С. 145.

⁴ Панченко А. М. Юродивые на Руси // Азъ Л., 1990. № 1. С. 20.

⁵ Интересно, что С. А. Иванов отмечает подобное явление в Византии перед тем, как исчезнуть, юродство сменило имя. Тем самым старое прославленное юродство было как бы разведено с современной соблазнительной практикой (Иванов С. А. Византийское юродство. С. 121).

⁶ РГАДА, ф. 371 (Преображенский приказ), оп. 2, № 739, л. 4.

⁷ Это дает определенный эвристический ход. Дело в том, что «Босая» или «Нагой» являются чаще всего не фамилией или прозвищем, а четким указанием на то, что речь идет о человеке, подвизающемся в юродстве Христа ради.

власть мало озабочена была его исполнением. В этом убеждает дело сына служки Кириллова монастыря Ивана Гостинщикова, который 6 апреля 1701 г. обратился в Преображенский приказ с письменным доносом на власти Кириллова монастыря о том, что они велели сковать «клюку железную» некоему неизвестному. При этом благонамеренный доноситель сослался не на патриарший указ, а на царский указ от 1700 г. о том, чтобы «по городом и по монастырем пришлых людей никаких нигде не было». По приговору князя Ф. Ю. Ромодановского за принос подобного «недельного письма» Гостинщиков был бит батогами и отпущен на волю. Однако дело было почти сразу же пересмотрено — можно предполагать, не без участия самодержца. Монастырским властям указано было отчитаться о происшедшем. Отписка кирилловских властей — архимандрита Сергия, бывшего келаря Филарета, казначея Исаяи и других монастырских старцев — дышит сдержанным негодованием и свидетельствует о том, что монастырские власти не видели в своих действиях ничего предосудительного: «В Кирилов монастырь многие люди приходят для богомолия, а иные, мимо ходя, милостыни просят, и мы богомольцев и нищих по прошению их накормить и напоить приказываем, и милостину по мочи своей у кого что лучитца Бога ради подаем. И ныне перед Сырною неделею в Кирилов монастырь приходил нищей мирской человек во власянице и в веригах и в церквах и у гроба чудотворца Кирилла молился и бил челом, чтоб ево накормить и напоить, милостыня ему подать, да ему ж бы починить вериги, что на нем, и клюку железное, да сделать бы на голову шабку железную ж, и, видя того человека богабоющаяся, велели накормить и напоить, вериги и клюку починить, и шабку сделать Бога ради и, тое милостыню он взяв, вскоре сшел с монастыря, а в приеме в Кирилов монастырь тот нищей человек не был».⁸

Роковой для судьбы юродства оказалась причастность к «суздальскому делу» Михаила Босого, выполнявшего роль своего рода связного между царевной Марией Алексеевной, епископом ростовским Досифеем и заключенной в суздальском монастыре бывшей царицей Евдокией Лопухиной. Михаил Босой обвинен был в том, что «он же переносил к ней бывшей царице от царевны Марии Алексеевны и от других писма и словесные ведомости, которых было не токмо ему, но и никому б чинить того не надлежало. И за то за все учинить ему наказанье, и, выняв ноздри, сослать на галеру в вечную работу, чтоб впредь другим ево братьям таких лживых пророчеств сказывать и тем людей облыгать и письма и ведомости непотребные переносить было неповодно».⁹

Не без влияния «суздальского дела» в указе 1722 г. о ссылке в монастыри «ханжей» (юродивых) появляется примечательная формулировка: от них происходит «пересылка вестей и протчих непотребных дел, под видом якобы простоты их или святости...».¹⁰

В этом указе уже заметна новая терминология. Для властей юродивый был не столько возбудителем суеверия, сколько разносчиком нежелательных слухов. С этим связано и новое переименование. Отныне в законодательных актах сознательно пренебрегают разницей между «юродивым» и «дураком», смешение которых было невозможно в древнерусской системе

⁸ РГАДА, ф. 371 (Преображенский приказ), оп. 2, № 1014, л. 76, 82—83.

⁹ Приговор Михаилу Босому, 16 марта 1718 г.: РГАДА, ф. 6 (Секретные дела), оп. 1, № 121, л. 9 об.—10. О нем же: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. С. 207.

¹⁰ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного Исполнения Российской империи (далее — ПСПР). Т. 2. 1722. СПб., 1872. № 477. С. 131.

понятий.¹¹ Расщеплено было и само понятие юродства: уже прославленные Церковью угодники остались «юродивыми» и «блаженными», а современным подвижникам было присвоено новое наименование — «ханжа».¹² Мы привыкли воспринимать его в свете последующего расширительного употребления. Однако оно — приобретение просветительской литературы второй половины XVIII в. Петр и его современники под ханжами понимали именно юродивых. Только так можно понять введенный в 1722 г. в присягу новопоставляемых архимандритов и игуменов новый пункт — «затворников, и ханжей, и с колтунами отнюдь никого не держать».¹³ Особенных высот удавалось достигнуть ученым проповедникам — так, Гавриил Бужинский, обрушиваясь на юродивых, успевает, подобрав несколько синонимов, ни разу не назвать их по имени: «Простак и невежа, человеческого именования недостойный, возложит на ся власяницу острую, поковнунит власи и браду свою, не умыет лице свое чрез долгое время, и от сего очернеет и осмянеет, и тако, аки на сцену себе приуготовав, исходит второй фарисей, проходит веси и гради, ищет где многолюдное собрание, внутрь себе полный гордости, и власяницей своей богатеет, мзду и заплату богатую вземлет, а до него вси по благословение, нощныя соборы лукавыя молитвы... Просим и молим вас, колтуноватые власяниценосцы, творете, яже хотите, являетесь людям святы, хотя все то обнажено будет на Страшном и нелицеприятном суде Божии; обирайте людския труды, снейдайте доми вдовиц, аще и творимая от вас в тайне срамно есть изглаголати, токмо другим пут спасения не воспящайте!».¹⁴

Объявленная указами и подкрепленная авторитетом проповедников охота на юродивых развернулась вовсю. Стоило юродивому появиться на улице города, как он тотчас попадал в поле зрения властей. Примером тому может служить дело «юродивого» Виталия. 22 июля 1737 г. в Главную полицмейстерскую канцелярию в С.-Петербурге доставлен был схваченный на улице человек в монашеском одеянии, с куском цепи на левой ноге. В руке у него был лист, вырванный из печатной Библии. На

¹¹ Как отмечает Е. Томсон, в 1722, 1723 и 1725 гг. изданы были три указа, в которых игнорировалась разница между юродивыми и дураками. Согласно исследовательнице, это было «серьезным ударом по старой таксономии... Психологическим эффектом этих указов была артикуляция европейского понимания безумия в петровской России» (Tomson E. M. *Understanding Russia. The Holy Fool in Russian Culture*. London, 1987. P. 29).

¹² Сравнительно поздним примером этого переименования была известная поправка в елизаветинской Библии: в Первом послании апостола Павла к коринфянам «юроды Христа ради» превратились в «буйи Христа ради» (Hauptmann P. «Die Narren um Christi Willen» in der Ostkirche // *Kirche im Osten*. 1959. Bd 2. S. 33).

¹³ ПСПР. Т. 2 1722. № 426. С. 68 (21 февраля). В этом смысле примечательно словопотребление такого дельного и сознательного исполнителя церковной реформы, каким был инквизитор Коломенской епархии иеродиакон Савватий Иванов. В его доношении о лжеюродивом Василии, написанном четким почерком, с точными цитатами из указов, доминируют два термина — «благуюродливый» и «ханжа»: «Усмотрел я нижеименованный в городе Коломне незнаема какой человек ходит по улицам в нынешнее зимнее время в одной рубахи босой, называетца Василий, притворяя себе якобы благоуродливый, и в келью ко архиерею и в прочие дома ходит, и почитают его якобы за святого... и преосвященный митрополит незнаема чего ради онного ханжу в Москву не посылает... (выделено нами. — А. Л.)» (Доношение иеродиакона Савватия Иванова в Приказ инквизиторских дел, февраль 1723 г.: РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 4, № 149, 1723 г., л. 2). При этом Савватий Иванов прямо ссылается на архиерейскую присягу, которую, по его мнению, нарушил митрополит Иоанникий, покровительствовавший лжеюродивому. Очевидно, что само это доношение могло быть частью какой-то интриги против митрополита, что само по себе заслуживает отдельного разбора.

¹⁴ Гавриил Бужинский. Проповедь на слова «Два человека внидоша в церковь помолитися, един фарисей и другой мытарь» (От Луки, 18, 89) // Петухов Е. Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1727): Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев, 1901. С. 402.

допросе он назвался Виталием, «а какого чину и для чего скован, знать не можно, понеже ничего не отвечает». На допросе в Тайной канцелярии он также «ни о чем не ответствовал и говорил всякия сумозбродныя слова, которых понять и к склонению речей написать невозможно». Однако здесь следователям удалось развязать ему язык и узнать, что он уже 5 лет находился «в подначалстве» в Александро-Невском монастыре, где его держали скованным в кандалах. Виталий будто бы даже не знал, в чем его вина. 22 июля 1737 г. ему удалось сбить кандалы с правой ноги и убежать из монастыря, но на воле он прогулял только полдня.¹⁵

Дело «юродивого»¹⁶ Виталия показывает всю амбивалентность источников о «юродстве», сформированных верными слугами «регулярного государства». Косноязычие и нежелание отвечать на вопросы можно истолковывать и как свидетельство психического расстройства, и как следствие долгого заключения, и как сознательную позицию юродивого, которая могла включать и нарочитую неясность высказываний, и молчаливость. Кандалы более или менее похожи на вериги. Таким образом, уже никто не ответит на вопрос, был ли Виталий на самом деле юродивым или просто оказался случайной жертвой охоты на «ханжей», развязанной властями.

Единственное отступление было сделано в начале царствования Анны Иоанновны, вообще исключительного в конфессиональном отношении. Слово «юродивый» вновь появляется в законодательстве в своем истинном значении. Так, в указе от 25 июня 1732 г., неоднократно цитировавшемся в литературе, содержалось требование не допускать в церкви «якобы юродивых», одетых в «кошунские одежды», чтобы они не мешали прихожанам слушать церковную службу.¹⁷ Этот указ можно было бы оценить как очередную меру борьбы с юродством, если бы не одна тонкость: само существование «якобы юродивых» предполагало возможность появления настоящих.

В то же время как в 1734—1735 гг. относится первая и единственная попытка сделать из почитания неканонизированного юродивого одно из основных обвинений в широком политическом процессе. Ряд монахов Саровской и Берлюковской пустыней был обвинен в почитании несвидетельствованного святого Тимофея Архиповича. Самым большим успехом следствия стала ниточка, которая вела от болтливой фантазеры монаха Георгия (Зварыкина) к Ионе, келейнику архимандрита Троице-Сергиевой лавры Варлаама, всесильного духовника императрицы. Иона, у которого Георгий некоторое время жил в келье, поддерживал тесные связи с Тимофеем Архиповичем. Когда Георгий пожаловался, что его не допускают к юродивому, то Иона сказал ему: «Пооди де и скажи именем ево Иониным, что прислал к тому Тимофею он, Иона, то де тотчас допустит». У Ионы же имелось и множество «написанных чудес. Тимофея Архиповича», неизвестно кем собранных. Иеромонах Иосия просил их для переписки, «для того, что мы Тимофея Архиповича имеем за отца себе», но Георгий ответил, что Иона их «никому не дает списывать».¹⁸ Однако

¹⁵ РГАДА, ф 7 (Тайная канцелярия), оп 1, № 578 29 июля 1737 г Виталий был переведен в Синод, дальнейшая судьба его неизвестна

¹⁶ Нигде в деле Виталий не назван «юродивым» (это слово появляется только на обложке папки, которой дело было снабжено в Государственном архиве в прошлом веке) В то же время нельзя исключить, что это не более чем дань речевому этикету, согласно которому само слово «юродивый» изгнано было из делопроизводства

¹⁷ Полное собрание законов Российской империи СПб., 1830 Т 8 № 6136 С 891—892

¹⁸ Показания иеромонаха Иосии, 17 января 1735 г., Показания Георгия Зварыкина, 17 сентября 1734 г РГАДА, ф 7 (Тайная канцелярия), оп 1, № 370, ч 3, л 250—250 об, ч 4, л 77 об

дело не получило должного развития: дань почитанию Тимофея Архиповича отдавала и императрица Анна Иоанновна, знакомая с ним по измайловскому двору и даже, согласно легенде, приезжавшая в 1731 г. проститься к гробу юродивого.

Очередной указ о преследованиях, изданный 26 ноября 1739 г., свидетельствует о том, что «два человека ханжей» обосновались в Новгороде в шалашах при городской стене. Иначе говоря, юродивые расположились в центре епархии, которую еще 3 года тому назад окормлял Феофан Прокопович, не принимавший юродства и издевавшийся над ним. Эпизод с юродивыми, расположившимися в нескольких шагах от места последнего упокоения Феофана в Софийском соборе, нельзя не назвать примечательным. Он свидетельствует о полной тщетности всех попыток властей покончить с этим явлением.

Поворот здесь совершился в царствование Елизаветы Петровны, имевшей мужество отойти от жестких установок «Духовного регламента». Не велось борьбы с юродством и в царствование Екатерины II. С этим была связана и определенная лакуна в истории юродства: исчезая из следственно-розыскных документов, юродивые появляются только в околицерковной мемуаристике XIX в.

В своей статье о древнерусском юродстве А. М. Панченко отметил, что «материал работы извлечен из житий святых, поскольку другого материала не существует».¹⁹ Применительно к XVIII в. это утверждение нуждается в коррективах. Делопроизводство Святейшего Синода и его Московской канторы, Преображенского приказа и Тайной канцелярии сохранило обширные допросы юродивых, содержащие как автобиографические показания, так и то, что можно было бы назвать их кредо. На анализе последних и основана эта работа.

Обращают на себя внимание две тенденции — пестрота социального состава и снижение образовательного уровня юродивых. Юродивые, схваченные при патриархе Адриане, принадлежали к разным слоям общества. Отец «волосянишника» Ивана Калинина был «шатерным мастером» великого государя, отец «верижника» Ивана Михайлова — попом Борисоглебской церкви в селе Воронье Костромского уезда, отец «волосенишника» Ивана Новикова — стадным конюхом в дворцовой волости Гавриловская слобода в Суздале. «Крестьянским сыном» был и Иван (он же Парамон) Нагой: он бежал из деревни Неумойной, принадлежавшей Лукьяну Сытину.²⁰ Один из двух представших перед следствием в 1722 г. «ханжей» — Давыд Константинов был крестьянином князя Я. А. Голицына.²¹ Крестьянином был и Петр Сергеев, уроженец вологодской деревни Дешевиha, принадлежавшей помещице В. И. Писаревой.²² Иван Иванов, которого одни считали юродивым, а другие — дурачком, был «мужиком», или, точнее, солдатским сыном.²³ Есть и один пример юродивого монаха — Илья Наумов.²⁴ Самое высокое социальное происхождение было у Тимофея Архиповича: тот был сперва подьячим, а затем стал

¹⁹ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 81.

²⁰ РГАДА, ф. 371 (Преображенский приказ), оп. 2, № 739, л. 4—5, 10.

²¹ ПСПР. Т. 2. 1722. № 477. С. 130—131.

²² РГАДА, ф. 1183 (Московская синодальная контора), оп. 1, 1733 г., № 263, л. 1.

²³ Показания иеромонаха Берлюковской пустыни Никодима, 2 декабря 1734 г.; Показания иеромонаха Иосии, 2 ноября 1737 г.: РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 370, ч. 5, л. 9 об., 108—108 об.

²⁴ Показания иеромонаха Иосии, 2 ноября 1737 г.: РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 370, ч. 4, л. 108.

иконописцем.²⁵ Примечательно, что ни один из юродивых не был связан по своему происхождению со шляхетством.

Многие юродивые были неграмотны. Это представляло, конечно, большой контраст с XVII в., когда юродивые оставляли как эпистолярное наследие, так и целые богословские трактаты. «А грамоте де и писать они все трои Ивана не умеют и к допросам их рук своих вместо их приложить некому», — заявили Калинин, Новиков и Михайлов.²⁶ Следовательно, в своем религиозном идеале они были ориентированы на проложные жития юродивых, прославленных церковью. Примечательно, что дистанцированное отношение к книжной культуре было характерно и для тех юродивых, которые несомненно были грамотными. Так, тот же Тимофей Архипович не мог быть неграмотным уже в силу каждой из обеих его профессий. Характерно при этом, что, будучи окружен грамотными и образованными людьми, он ни разу не прикасается к перу, ограничиваясь устными наставлениями. Смысл последних порой сводился к последовательному отрицанию «внешней мудрости». Так, иеромонаху Иосии Тимофей Архипович сказал, чтобы он «жил в пустыне по-пустынному, а философить бы перестал».²⁷

Юродивого или человека, выдававшего себя за него, легко было узнать по веригам, железной шапке, странной одежде — власянице или рубахе. Так, умело изображавший юродивого Филипп Иванов был описан задержавшим его подьячим Верейской канцелярии воеводского правления Л. Збруевым следующим образом: «...в вечеру в отдачу дневных часов мимо той канцелярии большой дорогою шел незнаемо какова чину человек, видом страмен, о одной черной волосеной рубахе, а портов и шапки и обуви ничего на нем не имеется, а по телу окован весь железом, в руках имеет жезл железной, немалой, прикован на цепи к левой руке».²⁸

У Давыда Константинова и Давыда Степанова (1722 г.) изъяты были «вериги, обручи и чепь и два креста железные, да четыре креста медных на железной чепочке, в том числе образ Спасителей небольшой медной же в винивтью (финифтью. — А. Л.) за слюдой, а на нем подписано: „Святыя мощи“».²⁹

Иногда по внешнему виду юродивого можно было догадаться, какому из прославленных угодников он подражает в своем подвижничестве. Так

²⁵ Показания иеромонаха Иосии, 7 ноября 1734 г.: РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 370, ч. 4, л. 286. В этой связи интересно предположение О. С. Евангуловой, отождествившей Тимофея Архиповича с «живописцем московским Архипом, подьячим», который вместе с князем С. Голицыным был в 1710 г. в Вольфенбюттеле (Евангулова О. С. Императрица Анна Иоанновна и старинный портрет в России // Вестн. МГУ. 1995. Сер. 8: История. № 4. С. 24). В таком случае перед нами первый юродивый, у которого за плечами был опыт «встречи с Западом». Однако трудно предположить, что Б. И. Куракин, на которого ссылается О. С. Евангулова, перепутал имя с отчеством: подобную ошибку, скорее, мог бы допустить иностранный наблюдатель.

²⁶ РГАДА, ф. 371 (Преображенский приказ), оп. 2, № 739, л. 10. Нет в деле и рукоприкладства Ивана (Парамона) Нагого, но одна из подробностей его показаний заставляет думать, что он не был человеком книжным, а черпал свои сведения из церковных чтений. Так, против брадобрития он выступил потому, что слышал «про то, как чли в Прологу в Знаменском монастыре и в ыных церквах» (Там же, л. 10).

²⁷ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 221, л. 20.

²⁸ РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 10, № 440, 1729 г., л. 1. В железах и в посохе Филиппа было 30 фунтов веса (Там же, л. 7 об.).

²⁹ РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 2, № 340, 1722 г., л. 3. Опись датирована 14 марта 1722 г. Похожие вещи были изъяты у Филиппа Иванова: «...в ящичке красном крест медной, на нем изображено Распятие Господне да двои складни медные, образ Спасителей да Казанские Богородицы, да колокольчик медной же» (РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 10, № 440, 1729 г., л. 13 об.).

случилось 30 июля 1733 г., когда ключарь Успенского собора объявил в Московской синодальной конторе «молившагося в том соборе бродягу, на котором по осмотру явилось на голове колпак железной, волосы в колтунах, в руках посох железной, да ключка деревянная, на нем же вериги железные на теле закованы».³⁰ Совершенно очевидно, что «бродяга», оказавшийся крестьянином Петром Сергеевым, подражал вполне определенному юродивому — блаженному Иоанну Московскому, «нарицаемому Большой Колпак и Водоносец». Он носил железный колпак и кресты с веригами. Важно, что о подвиге св. Иоанна он не мог узнать из Пролога: его мощи были обреты только в 1672 г., а канонизация относится уже к синодальному периоду.³¹

Юродивый кормился подаянием. В ответ на упреки архимандрита Иоасафа в попрошайничестве Иван (Парамон) Нагой ответил: «В том де вины нет, а дают де мне ради моей святости и в том де мне будет мзда от Бога, что я, брав, и роздаю нищим же, а иному бы и не дали».³²

Не лишним было бы заметить, что те атрибуты юродства, которые были описаны выше, стоили не меньше, чем комплект земледельческого инвентаря. Так, Филипп Иванов должен был заплатить четыре гривны тверскому кузнецу, сделавшему ему железные вериги, и столько же — калужскому кузнецу Ивану, сковавшему ему железный посох.³³ Все это ставило перед юродивыми, происходившими из низов общества и подчинявшимися обету нестяжания, сложные вопросы и заставляло обращаться к благотворителям. Того же юродивого Петра Смирнова постоянно поддерживали вологжане — купцы и посадские. На «прекормление» ему давал вологодский купец Иван Афанасьев Колесов. Вологжане же помогли собрать и все необходимые юродивому вещи, которые стоили весьма недешево. «А имеющихся на нем Петре вериги тому будет лет с пятнадцать куплены ему вдовою вологоцкаго посацкого человека Яковлевою женою Федорою Семеновою... А колпак де железной зделал ему Петру вологоцкой купецкой человек Иван Васильев сын Сурин из своего кошту назад тому будет лет с пять, а клюку де, сложась, вологоцкие кузнецы зделали ему нынешним летом».³⁴ Весь этот интерес к Петру Смирнову со стороны вологжан может быть поставлен в связь с типичным для Северной Руси в XVII в. почитанием юродивых, центрами которого становятся Великий Устюг и Вологда.

Значительная часть жизни юродивого проходила на улицах города. По словам архимандрита Знаменского монастыря Иоасафа, московские юродивые ходят «по погребениям и по рядам» (в другом месте он же добавил — «и по церквам») для сбора милостыни. Это заставляло их дер-

³⁰ РГАДА, ф. 1183 (Московская Синодальная контора), оп. 1, 1733 г., № 263, л. 1.

³¹ Ковалевский Иоанн, священник. Юродство о Христе... С. 244—248. В начале нашего века его мощи почивали под спудом в приделе Василия Блаженного Покровского собора, там же хранились и вериги (колпак был утрачен, очевидно, в 1812 г.). К другим примерам для подражания относился, конечно, Василий Блаженный. Так, почитатель юродивого иеромонах Иосия говорил графине Н. Е. Матвеевой: «Вот де покойной юродивой Тимофеей Архиповичь был доброй человек, подобен де житием Василью Блаженному» (РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 370, ч. 3, л. 241 об.—242, показание Н. Е. Матвеевой, 22 августа 1734 г.).

³² РГАДА, ф. 371 (Преображенский приказ), оп. 2, № 739, л. 2, 4, 6, 8.

³³ РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 10, № 440, 1729 г., л. 5 об.

³⁴ РГАДА, ф. 1183 (Московская Синодальная контора), оп. 1, 1733 г., № 263, л. 1 об.—1 а. Можно добавить, что «клюшку двойную деревянную» он получил в подарок от вологодского нищего, а кузнец Егор Кротов сделал ему вериги посвободнее, поскольку в первый раз он «заклепал те вериги весьма крепко», так что он «ходил в них с полгодичное время и не мог того понести» (Там же).

жаться неподалеку от Красной площади, куда они выходили в ряды за милостыней. Иван Калинин жил «под Спаским мостом в рове в каменной пещуре». Иван Михайлов «живал... у собору Казанские Богородицы, что на плащеди на паперти и по разным монастырем, где день, где ночь».³⁵ Это еще раз подтверждает справедливость замечания А. М. Панченко о том, что паперть — «нулевое пространство, пограничная полоса между миром светским и миром церковным».³⁶ Именно здесь юродивых и было легче всего поймать. Характерно, что именно эти места оставались традиционными для юродивых и 30 лет спустя: так, выдававший себя за юродивого Филипп Иванов жил «в караулной полатке» у церкви Василия Блаженного, вместе с караульными солдатами и сторожами, и ходил по рядам для сбирания милостыни.³⁷

Иногда юродивых можно было видеть и в других частях Китай-города. Так, Ивана Нагого и Ивана Калинина схватили у Зачатьевской церкви, куда они пришли просить милостыню «на погребении у посацкого человека».³⁸

Наряду с подобными юродивыми были и те, кто находил себе приют в домах знати. Так, приближенность к царевне Марии Алексеевне открывала перед Михаилом Босым двери всех знатных московских домов. Он «хаживал х князю Семену Щербатову, к Григорью Сабакину, х княгинем Куракиной, Троекуровой, Лобановой, да к Авраму Лопухину, да к Марье Соловцовой, да к Чаплину и к Татищеву и к женам их, да к Варваре Головиной...».³⁹ Здесь необходимо отдать отчет в исключительности самого статуса юродивого: он свободно входил в те дома, из которых дворня просто выбросила бы невзначай зашедшего незнатного дворянина. Совершенно особым было положение и Тимофея Архиповича, который не позже 1695 г. поселился при доме царицы Прасковьи Федоровны. Затем он некоторое время жил при доме Д. М. Меншиковой, отличавшейся старомосковским благочестием. Впоследствии — очевидно, после падения Меншикова — юродивый перешел ко двору царевны Прасковьи Иоанновны.⁴⁰ Показательно, что юродивый последовательно выбирал как раз такие дома или дворцы, где он был неуязвим для преследований в период самого размаха охоты на «ханжей».

Располагая кровом и пользуясь прислугой,⁴¹ получая от своих почитателей как дорогие подарки, так и деньги, такие юродивые, как Михаил Босой или Тимофей Архипович, оказывались в сложных отно-

³⁵ РГАДА, ф 371 (Преображенский приказ), оп 2, № 739, л 2, 3, 6

³⁶ Лихачев Д С, Панченко А М, Поньрко Н В Смех в Древней Руси С 131

³⁷ ПСПР Т 7 С 19-го января 1730 по 23-е декабря 1732 2-е изд СПб, 1890 № 2438

С 124, РГИА, ф 796 (Синод), оп 10, № 440, 1729 г, л 6

³⁸ РГАДА, ф 371 (Преображенский приказ), оп 2, № 739, л 8

³⁹ РГАДА, ф 6 (Секретные дела), оп 1, № 121, л 6

⁴⁰ Согласно надгробной надписи, Тимофей Архипович прожил при дворе царицы Прасковьи «двадцать осьмь лет» Если учесть, что царица умерла 13 октября 1723 г, то получается, что Тимофей Архипович появился при ее дворе в середине 1690-х гг — еще при жизни царя Ивана Алексеевича (Тромонин К Я Достопримечательности Москвы М, 1842 Тетрадь 6 С 73, Розанов Н П Церковь Архангела Гавриила в Москве на Чистом пруду, или Меншикова башня // Русские достопамятности М, 1877 Т 2, ч 5 С 10)

⁴¹ При Михаиле Босом состоял «малой» Аким Викулов, сирота, который заботился о лошадях Встречаются упоминания о «служителе» или даже о «служителях» Тимофея Архиповича (РГАДА, ф 6 (Секретные дела), оп 1, № 121, л 1 об, 3, 4, 5 об, 7, 8—9, Показание иеромонаха Иосии, 7 ноября 1734 г РГАДА, ф 7 (Тайная канцелярия), оп 1, № 370, ч 4, л 288, 289, 305 об)

шениях с обетом нестяжания. Через руки Босого проходили различные подарки, передаваемые Евдокии Лопухиной ее родственниками и доброжелателями, — «рыбы и ковришки», «шабка круглая соболья, верх крапивной камчатой», мука, «шапки мирския и кунтыши», кафтан, «ведро лимонов». За один приход к бывшей царице Михаил Босой приносил «по пятидесят рублей денег» от царевны Марии Алексеевны. Нельзя отделаться и от мысли, что Босому так охотно доверяли деньги потому, что очевидна была его полная незаинтересованность в них. При этом сам Босой располагал довольно большими средствами — на них он «собою» построил церковь в Мещевском уезде в деревне Бориса Змеева. Примечательно, что церковь построена была по обету, данному Босым, когда у него «глаза были болны, и он ничего не видал». По его собственному признанию, юродивый собирал деньги мирским подаянием, а также обратился за помощью к ростовскому епископу Досифею, но тот «ему ничего не дал». Грустной эпитафией к денежным делам Босого является еще одна, почти астрономическая цифра из его следственного дела — «500 рублей», в которые его голова оценена была при розысках.

Почти у каждого из юродивых был свой опыт монастырской жизни или связь с монастырем. Мать Ивана Михайлова постриглась в Суздальском Троицком девичьем монастыре. Сам он собирался постричься во Флорищевой пустыни. Во Флорищевой пустыни жил и Нагой, «потому что отец его живет в той пустыни в белцах». Последняя являлась каким-то пунктом притяжения для юродивых. Кириллов жил в Троице и на Кирилловом подворье. Петр Смирнов, прожив с женой «лет з дватцать», начал скитаться по монастырям. Какое-то время он пожил в Псково-Печерском и других псковских монастырях.⁴² Неизвестный юродивый, пришедший в 1700 г. в Кириллов Белозерский монастырь, поселен был без излишних расспросов «в воротенной келье». Для Михаила Босого, регулярно посещавшего Суздальский Покровский монастырь, где жила бывшая царица, «при келейной ее церкви про него зделан и чулан особой». Обедать он ходил в хоромы к царице, куда его провожала старица Каптелина.⁴³

Поведение юродивых, в полном соответствии с агиографическим стереотипом, строилось как сознательная провокация окружающих, которых юродивый заставлял сомневаться в своей святости.⁴⁴ Согласно княгине М. А. Долгорукой, Тимофей Архипович говорил «сумазбродные речи... которые де разобрать было невозможно».⁴⁵ Юродивый нарочно вызывает брезгливость, он груб, а его речь косноязычна. Когда Иосия с монахом Саровской пустыни Аркадием решили посетить Тимофея Архиповича, то «служитель» сказал им, «что оной Тимофей пьян, и кричит, и не [дает]

⁴² РГАДА, ф. 371 (Преображенский приказ), оп. 2, № 739, л. 4, 5, 10; ф. 1183 (Московская Синодальная контора), оп. 1, 1733 г., № 263, л. 1.

⁴³ РГАДА, ф. 371 (Преображенский приказ), оп. 2, № 1014, л. 76; ф. 6 (Секретные дела), оп. 1, № 121, л. 2 об.

⁴⁴ Примечательна очень важная метафора, которая звучит в рассказе Иосии о его знакомстве с Тимофеем Архиповичем. Стоя у литургии в Успенском соборе, Иосия увидел «незнамо какого человека, которой де стоял, яко изумленной». Знакомый Иосии строитель Богословской пустыни иеромонах Петр сказал ему: «Много де таковых есть покровенных рабов Божиих. Я де знаю юродивого Тимофея Архиповича, которой де совести человеческия знает» (показание Иосии от 7 ноября 1734 г.: РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 370, ч. 4, л. 288 об.). Здесь применительно к неизвестному изумленному и Тимофею Архиповичу раскрыт один из основных византийских агиографических топосов «тайной святости» (Иванов С. А. Византийское юродство. С. 38).

⁴⁵ РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 221, л. 15 об.

никому к себе приступить, зная де, что девуш[ки] ево напоили».⁴⁶ После этого Иосия «крепко усумнился» в том, что Тимофей Архипович — святой. Сомнения его разрешил сам Тимофей Архипович в столь же грубой форме. Когда в другой раз Иосия подошел поцеловать его руку и плечо, тот сказал ему: «Иное ста имет в устех, а иное в сердце, языком хотя гузно лижи, а рукам воли не давай». Тем самым он обличил лицемерие Иосии, усомнившегося в его святости, но не показавшего вида. «И, слыша де о том от оного Тимофея, в мысль его... пришло, что подлинно оной Тимофей свят и прикрывает свою святость юродством», — объяснял впоследствии Иосия.⁴⁷

Двое юродивых — Михаил Босой и Тимофей Архипович — считались провидцами. Босой «пророчествовал о ней бывшей царице, что будет взята к Москве и сына будет видеть».⁴⁸ С саркастической и не всегда достигающей цели иронией описывает предсказания Тимофея Архиповича В. Н. Татищев: «Двор царицы Прасковии Феодоровны от набожности был госпиталь на уродов, юродов, ханжей и шалунов. Между многими такими был знатен Тимофей Архипович, сумазбродной подьячей, которого за святого и пророка суеврцы почитали, да не только при нем, как после его предсказания вымыслили. Он императрице Анне, как была царевною, провесчал быть монахиней и называл ее Анфисою, царевне Прасковии быть за королем и детей много иметь. А после, как Анна императрицею учинилась, сказывали, якобы он ей задолго корону провесчал. Другое, как я отъезжал 1722-го другой раз в Сибирь к горным заводам и приехал к царице просчение принять, она, жалую меня, спросила онаго шалуна, скоро ли я возвращусь. Он, как меня не любил за то, что я не был суеврчен и руки его не целовал, сказал: он руды много накопает, да и самого закопают. На сколько то право, то всякому виден».⁴⁹

Правомерно было бы подвести некоторые итоги. Можно только согласиться с М. Петровичем в том, что юродивые XVIII в. меньше всего были «защитниками социальной и политической справедливости».⁵⁰ Действительно за весь описываемый период мы только один раз видим юродивого-обличителя. Это Иван Нагой, который говорил, что Петр «бороды бреет и с немцами водится и вера стала немецкая», осуждал патриарха Адриана.⁵¹ Но подобные высказывания характерны были не только для юродивых — за них пострадали и многие «бородачи», а также, разумеется, приверженцы старообрядчества.⁵² Другие юродивые высказыва-

⁴⁶ В другой раз, когда княгиня М. А. Долгорукая прислала к нему своего человека с киселем, Тимофей Архипович, «лежа на постеле, бранился матерны» (показание иеромонаха Берлюковской пустыни Никодима, 18 ноября 1734 г.: РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 370, ч. 4, л. 332—332 об.).

⁴⁷ Там же, л. 289—290 (показание иеромонаха Иосии, 7 ноября 1734 г.).

⁴⁸ Показания старицы Каптелины. Сам Босой признал эти показания с обычной оговоркой о том, «что говорил де ей спроста, ни для какова намерения». Сама бывшая царица вообще отрицала, что слышала от Босого какие-либо пророчества (РГАДА, ф. 6 (Секретные дела), оп. 1, № 121, л. 3—3 об., 4 об., 8—8 об.).

⁴⁹ Татищев В. Н. История российская. Ч. 1 // Собр. соч. М., 1994. Т. 1. С. 116.

⁵⁰ Petrovich M. The Social and Political Role... S. 286.

⁵¹ Голикова Н. Б. Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М., 1957. С. 132—133. Интересно, что Н. Б. Голикова не называет Ивана Нагого юродивым, но предпочитает косвенное описание: «Фанатик, по прозванию Иван Нагой, ходивший голым, с одной медной цепью и крестом на шее...» (Там же).

⁵² В этом смысле интересно дело Сергея Дмитриева Квасникова, «посадского торгового человека» из села Фрязина Вологодского уезда (1705 г.). Квасников побывал в Москве в Великий пост и ушел оттуда в Чернигов, «для того, что де в Москве учинилась ересь и несть де христианства, что бороды бреют». Квасников говорил: «Я де государева указа не

лись на политические темы довольно нечетко. Известно, например, предсказание Тимофея Архиповича о том, что «будет полон Кремль латинщиков да копей[щи]ков».⁵³ Почитатели юродивого понимали это в основном как предсказание поражения России в войне за польское наследство. Но нельзя полностью исключить и другой уровень, сближающий это предсказание с крамольными речами Ивана Нагого, — предостережение о западном влиянии, грозившем утратой целостности веры.

Однако главное, конечно, было не в этом. Пользующийся влиянием на московской улице и одновременно входящий в дома московской знати, юродивый был идеальным связующим звеном между знатью и горожанами, своего рода агентом оппозиционного общественного мнения,⁵⁴ соединявшим две культурные плоскости, которые все более и более раздвигались вследствие секуляризации дворянской культуры.

Юродство в XVII в. кажется нам институтом, характеризующим религиозность всех слоев русского общества. В XVIII в. юродство как бы уходит вниз по социальной лестнице, неграмотные крестьяне начинают играть в нем все большую роль (при этом надо четко отделять само юродство — подвижничество от почитания юродивых, которое оставалось неотъемлемой чертой религиозности знати и посада). В связи с этим юродство становится постепенно незаметным для общества, уходит на задворки (если говорить с позиций новой культуры). Как только юродивых перестает преследовать политический сыск, они просто теряются из вида, и необходимо дожидаться XIX в. — времени расцвета русской церковной мемуаристики, чтобы получить какие-то новые источники, сравнимые с изученными выше.

Лакуна, которая отделяет последние следственные дела о «ханжах» от первых мемуарных записей о юродивых, конечно, не отражает какого-то реального разрыва. Особенность русского юродства и состояла в том, что оно принадлежит к константам русской религиозности. Отсюда и такой неожиданный факт, как всплеск юродства там, где этого меньше всего следовало бы ожидать, — в новой столице, С.-Петербурге. Ведь повод для указа 1732 г. дали беспорядки, чинимые юродивыми в петербургских церквях. Юродство наложило отпечаток и на петербургскую святость: о связи Ксении Петербургской с традицией древнерусского юродства даже неудобно напоминать, настолько она очевидна.

Нельзя не остановиться еще на двух аспектах темы. Для «регулярного государства» любой юродивый был либо безумным, либо обманщиком. Но и для почитателей юродивых проблема отличия истинного юродства от ложного стояла остро. Есть интересный пример экспертизы юродства некоего Ивана Иванова, проведенной иеромонахом Иосией, почитателем Тимофея Архиповича.⁵⁵ Во время одного из своих наездов в Москву

слушаю и не боюсь де смертного царя, а боюсь де бессмертного царя» (Отписка воеводы М. фон Струосберга, 16 августа 1705 г.: РГАДА, ф. 163 (Дела о раскольниках), оп. 1, № 14, л. 1 об.).

⁵³ Показания иеромонаха Сильвестра от 10 июля 1734 г.: РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 370, ч. 2, л. 232 об.—233.

⁵⁴ Например, юродивый Иван Нагой сказал архимандриту Знаменского монастыря Иоасафу, что он собирается «итить в Преображенское царя обличать...». Архимандрит резонно заметил, что «государя нет на Москве, изволил итить в Азов и ныне в Азове». «Будет де скоро к Москве послов немецких встречать», — уверенно ответил Нагой и на недоуменный вопрос архимандрита о том, откуда ему это известно, сообщил: «В народе де говорят» (РГАДА, ф. 371 (Преображенский приказ), оп. 2, № 739, л. 8).

⁵⁵ Имя и отчество называет в своих показаниях иеромонах Берлюковской пустыни Никодим (РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 370, ч. 5, л. 9 об.) (допрос 2 декабря 1734 г.).

Иосия остановился у священника церкви Воскресения в Барашах Петра (впоследствии монаха Пахомия). Он попросил купца Степана Дмитриева, которого он знал, потому что тот прежде был бельцом в Берлюковской пустыни, привести Ивана Иванова к нему, чтобы «посмотреть, какова он состояния, понеже де до оного об оном Иване слышал он..., а от кого, не упомнит, что он блажит». Иосия еще в Москве заметил, что Иван «вре[мена]ми гово[рит] хорошо, а иногда де и сумоз[бродно]». ⁵⁶ Тем не менее Иосия начал верить, что перед ним юродивый. Однажды Иосия пошел с Иваном в ту церковь в Барашах, где служил отец Петр. В церкви как раз шло отпевание. «По отпуске де литургии означенного над оным умершим телом отпевания оной Иван, стоя молился Богу, а он де... звал того Ивана из церкви в дом... и оной де Иван долго не шел и молился Богу ж, а потом, пошед из церкви, тот Иван говорил бесспросу ево... неоднократно „грешник“, а в какой силе о том говорил и кого грешником называл, имянно не объявлял».

Встретив священника Петра, Иосия узнал от него, что умерший был его духовным сыном и действительно немало грешил. Утвердившись в прозорливости Ивана, Иосия взял его в Берлюковскую пустынь, где тот жил частью в хлебе, частью в его келье. Иосия полагал Ивану поклоны и призывал его в молитвах. Но однажды Иван прибежал к нему с «сумозбродными словами» о том, что в Берлюковской пустыни «полон монастырь волков», при этом что-то прибавив и о разбойниках. С тех пор Иосия «за провитца того Ивана поставлять... не стал, и ныне не поставляет, и признавает ево за безумного». ⁵⁷

Простое логическое допущение позволяет предположить, что наряду с юродивыми-подвижниками (или с юродивыми-душевнобольными, если принять концепцию И. У. Будовница) ⁵⁸ могут существовать и лжеюродивые — мошенники, злоупотреблявшие особым статусом, которым пользовались юродивые. В историографии есть два возможных подхода к этой теме. Священник И. Ковалевский фактически объявляет все петровские и последующие указы преследованиям лжеюродства ⁵⁹ (что несомненно является излишней лояльностью к преобразователю). Но вряд ли допустимо вслед за С. А. Ивановым сводить воедино православных подвижников и лиц, подобных Андреяну Петрову, преследовавшемуся как один из руководителей московских хлыстов. ⁶⁰

Между тем умножение числа лжеюродивых, на которое ссылается И. Ковалевский, оправдывая им карательные меры петровского правительства, не является просто фразой. Для древнерусского человека юродство представляло собой понятное и необходимое духовное явление. Отсюда — практическая невозможность «фальшивого» юродства, которое было бы разоблачено и наказано на месте. С разрушением древнерусской культуры, с секуляризацией общества поведение юродивого оказывалось непонятным (как может быть непонятен текст, написанный на чужом языке), а возможности имитации резко возрастали.

⁵⁶ Показание Иосии, 17 марта 1735 г.: РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 370, ч. 3, л. 321—321 об.). Княгиня М. А. Долгорукая, воспринимавшая юродство частично в перспективе петровских указов, оставила более недвусмысленный портрет Ивана: «...в светлице сидел на полу незнамо какой дурак разут» (Там же, ч. 4, л. 106).

⁵⁷ Показания иеромонаха Иосии, 19 сентября 1734 г.: РГАДА, ф. 7 (Тайная канцелярия), оп. 1, № 370, ч. 3, л. 322, 323, 324—324 об.

⁵⁸ Будовниц И. У. Юродивые Древней Руси // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Т. 12. С. 170—195.

⁵⁹ Ковалевский Иоанн, священник. Юродство о Христе... С. 152—155.

⁶⁰ Иванов С. А. Византийское юродство. С. 152.

О явлении лжеюрродства можно судить по трем примерам — Василию Воитинову (1723 г.), Филиппу Иванову (1729 г.) и Андреяну Петрову, оказавшемуся в центре следствия Раскольнической комиссии 1745—1747 гг.⁶¹ Дело Василия Воитинова давно привлекло внимание исследователей — в основном в силу необыкновенных признаний о связях с нечистой силой: Воитинов признался, например, в том, что у него было письменное обязательство с нечистой силой, что он пользовался услугами бесов. Примечательно, что подробно исследовавшая дело О. Д. Горелкина (Журавель) ни разу не обмолвилась о том, что Воитинов симулировал подвиг юродства.⁶² Наиболее корректной, на наш взгляд, оказалась Е. Б. Смилянская, прямо назвавшая его «лжеюрродивым».⁶³

Лжеюрродивый, как правило, — это человек, выбитый из колеи, возмещающий своим лицедейством нелегкую судьбу. Так, Филипп Иванов после смерти отца «остался в доме отца своего при мачихе своей Татьяне, которая всегда бивала его Филипа... топками и палкою смертно, и камнем проломила ему голову безвинно и непрестанно заставляливать молоть рожь, которую он и малывал». Его помещик М. А. Пушкин «за ево Филипово скудоумие всегда ево Филипа называл дураком и говорил, что он Филип за дурачество ему не надобен». Пушкин практически прогнал Филиппа, не дав ему «покормежнаго письма». Тот пытался заработать, работая у кожевника в дубильне, где получал «по деньге со ступы».⁶⁴

Не в последнюю очередь этим объяснялось и характерное для лжеюрродивых стремление разбогатеть через подаяние. Тот же Филипп Иванов показал следствию, что «оковался де он в железа своим произволом, не ради спасения души своей, но токмо чтоб от народа получал себе больше подаяния, и почитали б ево все и признавали за трудника, и давали бы ему в милостыню деньги и протчее охотнее». Так он собирал до 10 алтын в день и больше.⁶⁵ Оставшийся сиротой в 8 лет, Василий Воитинов долго старался разбогатеть, сначала служа какому-то дворянину, затем работая на заводе у Никиты Демидова в Туле, потом просто собирая подаяние. Наконец некая Настасья Карповна, прозвания которой он «не знает», жена посадского человека города Тулы, надоумила его, «чтоб он ходил в одной рубахе и босой и кормился бы мирским подаянием, чего де ради станут ему больше милостыню подавать».⁶⁶

Имитируя подвижничество, лжеюрродивые прибегали к разным хитростям. Так, у Филиппа Иванова были вериги «на крючках», так что дома

⁶¹ РГИА, ф 796 (Синод), оп 4, 1723 г., № 149, оп 10, 1729 г., № 440 О деле Андреяна Петрова см. Нечаев В. Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке // Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции М., 1889 Кн 6 К сожалению, подлинного дела в РГАДА не сохранилось (Иванов С. А. Византийское юродство С 214)

⁶² Горелкина О. Д. К вопросу о магических представлениях в России XVIII в. (на материале следственных процессов по колдовству) // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987 С 289—305

⁶³ Смилянская Е. Б. Следствия по «духовным делам» как источник по истории общественного сознания в России первой половины XVIII века Дисс канд ист наук М., 1987 С 90, 104

⁶⁴ РГИА, ф 796 (Синод), оп 10, № 440, 1729 г., л 5

⁶⁵ Показания Филиппа Иванова о собранных им средствах впечатляют своей дотошностью: он хранил у дворцового крестьянина в Москве 10 р 60 коп., у орловского купца 5 р., у посадского человека в Верее «с полтину», у посадского человека в Боровске «рубль с три и больше» (ПСПр Т 7 С 19-го января 1730 по 23-е декабря 1732 № 2438 С 124 Ср там же, № 2360 С 134, РГИА, ф 796 (Синод), оп 10, № 440, 1729 г., л 6, 13—13 об.)

⁶⁶ Показания Василия Воитинова, 15 февраля 1723 г. РГИА, ф 796 (Синод), оп 4, № 149, 1723 г., л 6

он мог снимать их, а на людях казался утружденным.⁶⁷ Василию Воитинову та же Настасья Карповна «для того, чтоб в зимнее время ему не озябти, зделав, дала ему мази, которою и вымазала ево Василья всево, а потом и ево научила, чтоб он делал: и [з] крапивы, разогрев, выжимал сок и оттого ты никакия великия морозы зябнуть не будешь, по которым словам так он Василей и зделал, и мазался тем весь в вешнее время, рвал малую крапиву и чинил по означенным словам, топя в горшке без воды, выжимал сок, от чего и ознобу себе не имел и донныне и во время во оных городех хождения за то, что он якобы собою ради спасения претерпевает во время зимнее стужи называли ево Василья святым...».⁶⁸

В отличие от настоящего юродивого, лжеюродивый не стремится обязательно попасть в монастырь. Будучи задержан, Филипп Иванов заявил, что «желание имеет быть в монастырских трудах», и был определен в Лукьянову пустынь. Однако когда его отпустили с монахами на богомолье в Троицу, то по дороге он отстал от них и спрятался на лугу. Здесь он пролежал два дня, спасаясь от погони. Затем он вернулся в Москву, чтобы жить подаянием, где и был схвачен вновь.⁶⁹

Случай Василия Воитинова вообще особый. Представ перед синодальным следствием, Василий Воитинов легко признался в совершении ряда преступлений, в которых его никто не изобличал. Среди них было колдовство (он «испортил» несколько человек, которые стали кликать), соращение на блуд «девиц с двадцати» и, наконец, убийство священника, наказания за которое он избег благодаря тому же колдовству. Делая эти признания, Василий навлекал на себя жестокий приговор, хотя их литературный характер был очевиден. С этой точки зрения его показания ни разу не изучались, между тем преступление против личности священника (недостойного, конечно же) — топос житий юродивых. Как замечает исследователь, обобщивший подобные мотивы в житийных рассказах, Симон Юрьевецкий душит священника, Прокопий Вятский грозит священнику ножом, Василий Босой убивает попа.⁷⁰

То, что на самом деле стояло за признаниями Воитинова — искреннее раскаяние или самоубийственная интеллектуальная игра со следствием, мы уже не узнаем. Со своей стороны я напомнил бы об одной параллели — тактике старообрядцев по отношению к обязательной исповеди. Стремясь сократить контакты с «никонианским» духовенством, они сначала признавались в не совершенных ими преступлениях (например, убийствах), получали за них долгие епитимьи и таким образом «избавляли» себя от причастия.⁷¹ Такие средства считались достойными в сопротивлении «регулярному государству». Мне представляется, что Воитинов хотел большего — добровольно пострадать (подобно «самосожженцам») при помощи церковного следствия.

Нечто подобное видно в деле Андреяна Петрова, оказавшегося в центре розыска 1745—1747 гг. об открывшейся в Москве секте хлыстов.

⁶⁷ ПСПР. Т. 7. С 19-го января 1730 по 23-е декабря 1732. № 2438. С. 124; РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 10, № 440, 1729 г., л. 6.

⁶⁸ Там же. В свете этого становятся понятными вопросы, которые заданы были 20 лет спустя Андреяну Петрову: он вынужден был оправдываться, что «в том юродстве к терпению студености никакого волшебного способа не имел, а претерпевал ее по крепости натуры своей» (Нечаев В. Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке. С. 157). Таким образом, лжеюродивый рассматривался следствием как волшебник, который терпел стужу только благодаря вмешательству темных сил.

⁶⁹ РГИА, ф. 796 (Синод), оп. 10, № 440, 1729 г., л. 6.

⁷⁰ Иванов С. А. Византийское юродство. С. 189.

⁷¹ Смирнов С. Древнерусский духовник: Исследование по истории церковного быта. М., 1913. С. 239.

Согласно собственному признанию, «видения, которое будто бы побудило его принять на себя юродство», Андреян «на самом деле не имел, а принял юродство и безмолвство на себя притворно, чтобы всякаго чина люди признавали его за святаго...»⁷² (впрочем, безмолвство не было вполне показным, так как многие, приезжавшие к нему, не могли поговорить с ним). При этом сам Андреян не только не освободился от всего мирского, но был владельцем дома, где собирались хлысты. Дом этот оказался настолько просторным, что впоследствии смог вместить всю Раскольническую комиссию.

Показное юродство привлекало к нему доверчивых людей. Все они впоследствии оказались втянутыми Андреем в группировавшуюся вокруг него секту хлыстов. В ходе разбирательства Андреян был обвинен в организации «богопротивных сборищ» (радений), блуде и изуверстве. В признаниях Андреева далеко не все ясно — кажется, что в них, как и в деле Воитинова, имеет место самооговор. Однако в распоряжении следствия были и весьма мрачные вещественные доказательства — например, случайно обнаруженное в подполе дома Андреева Петрова мертвое тело, о происхождении которого тот не мог сказать ничего удовлетворительного.

Мрачная уголовщина и сектантство, слившиеся воедино в деле Андреева Петрова, ставили непростые вопросы перед судьями. Очевидно было, что лжеюродство представляло собой не только соблазн или мошенничество, но и способствовало втягиванию легковерных в секту. Предъявляя счет «регулярному государству», нельзя требовать от него невозможного. Поставленные перед лицом признаний Воитинова или Петрова судьи вряд ли могли предаваться литературным или психологическим экскурсам. Выход казался очевидным: невозможно было справиться с лжеюродством, не задев и настоящих подвижников. Было бы крайне близоруко пенять на «регулярное государство», избравшее именно этот путь и достаточно крутые меры в качестве средства его осуществления. В этом конкретном случае можно было бы говорить об относительной правоте «регулярного государства».

⁷² Нечаев В. Дела следственных о раскольниках комиссий в XVIII веке. С. 157. Об этом деле см.: Иванов С. А. Византийское юродство. С. 152—153.